

АМЕРИКАНО, ПОЖАЛУЙСТА

—
ТАТЬЯНА АЛЕЕВА
Родилась в 1987 году.
По образованию переводчик, юрист. Училась на курсах CWS (у Марины Степновой и Майи Нучерской). Автор книг для детей и взрослых, финалист премии «На благо мира» (роман «Туман над онолицей»). Живет в Москве.

Каждое слово Нины было теперь на вес золота.

Еще три дня назад она могла прибегать к силе своего голоса, когда нужно было поторопить детей, чтобы они одевались, наконец, на прогулку, или чтобы отвлечь мужа от компьютера и задать бытовой вопрос. Но теперь голос пропал. Выключился, совсем.

В общем-то, голос не так уж и нужен, если ты мать близняшек двух лет. Это же практически двухлетний ретрит с обетом молчания. Надень это (детям), купи это (мужу). И все. Дотащишь до парка по нечищеным дорогам вечно буксующую в снегу коляску, подойдешь к ларьку (назвались тоже, «кофейня», это же чисто ларек!), возьмешь кофе, птенцы уже кричат, требуют свои батончики, берешь бумажный стакан трясущимися руками, делаешь глоток, больше нельзя, ибо, мама, нечестно, а нам что. Выдаешь каждой по батончику, теперь они счастливо заняты, делаешь еще глоток. Обожгла язык, но ничего. Из-за плохо надетой крышки – ох, этот бариста, это же не кепка, милый, это скорее бини, – капелька попадает на бежевый пуховик, но Нина не расстраивается, какой смысл уже его стирать, если тут и следы от ботинок Верочки, и капелька краски, и наклейка-сердечко, Варя прилепила. Бариста еще не научился закрывать крышки на кофе, но уже хорошо знает, что Нина всегда берет латте с ореховым

сиропом – такой, какой пьет ее подруга-мамочка, с которой они раз в неделю гуляют вместе. Он не спрашивает, что Нина будет, просто молча выдает стаканчик в ответ на приложенную к терминалу карточку.

В этот раз простуда была какая-то злая. От каждого слова боль, будто в горле топор, но звука нет. Нет больше того неповторимого тембра, который слышен, только когда Нина поет. В жизни она всегда говорит по-пионерски, высоко, всегда готова, хоть пионеркой побыть и не довелось. А где ее настоящий голос, она никогда не знала, а сейчас не знает тем более. Нет больше этого «хочу-любовь-больно». Это так педагог учила, так почему-то легче ставить голос, когда произносишь эти слова: «хочу» – на горле, это просто, выходит само собой, «любовь» живет в груди, тут уж немного постараться надо, а «больно» – там, где сидят дети во время беременности. А теперь не осталось ни «хочу», ни «любовь», только больно. И больно не там, где должно быть это «больно», а в горле. Так больно, что ничего не хочется, даже кофе. Но Нина все равно подходит к ларьку, тратит триста пятьдесят рублей на латте и батончики и отходит с коляской к скамейке.

Это случилось после похорон. Ноябрь, минус без снега, дул ветер, вот и простыла. Первые по-

хороны, на которых она была: до этого умирали только бабушка и дедушка по маминой линии, но родители оба раза сообщили уже после того, как все прошло. То ли не хотели расстраивать, то ли боялись, что дочь приедет в деревню и будет мешаться под ногами со своими слезами, а надо же все это организовать – погребение, место на кладбище, поминки.

И вот она впервые в зале морга, а в центре – гроб. С десятков родных, остальные – звезды радио и телевидения, политики и предприниматели, благодарные ученики Валентины Сергеевны. Все молчат, как так? Ведь у них, должно быть, самые лучшие голоса столицы, страны, мира, раз они учились у нее. В молодости она была актрисой МХТ, потом много лет диктором Всесоюзного радио, работала на «Маяке», преподавала. Какой поразительный талант! Открывать красоту голоса учеников, доставать из них то, что спрятано где-то глубоко, самую суть. Делать это не только для звезд, но и для обычных людей тоже. Для таких, как она, Нина.

Наконец, радиоведущая в спортивном костюме вышла вперед и начала говорить. О Валентине Сергеевне, о себе – о том, как та вылепила ее голос. Этот голос отскакивал от тесных стен зала морга, носился над головами, занимал все пространство, пел у Нины в голове, резонировал в ее груди. Потом были еще и еще люди. Большой частью те, кто учился у Валентины Сергеевны лет пятнадцать-двадцать назад. Нине было так интересно слушать: поразительно же, как один человек может изменить столько жизней. Она ловила все: что они говорят, как говорят, убеждаясь в том, что артикуляционная гимнастика не пропала даром. Нина ничего не говорила: что она скажет? Ей нечего, она никто, тень, да и голос у нее, только педагога позорить. И Нина слушала, внимала, удивлялась, радовалась. Но потом какая-то дама с пренебрежением сказала: «Что мы о себе да о себе, давайте о покойной». Все стали стесняться, быстро свернулась устная часть, и представительные молчаливые мужчины в костюмах и белых перчатках стали выпроваживать людей к микроавтобусам, чтобы ехать на кладбище.

На занятия к Валентине Сергеевне Нина попала вместе с двумя другими девочками из театральной студии. Ну как девочками: Але было сорок пять, Вике тридцать пять, Нине двадцать пять. У их театрального проекта, который они называли «Жизнь – театр», был профессиональный режис-

сер и актеры-любители, но «подающие надежды». Тогда, десять лет назад, любительские труппы были в тренде и даже занимали места на фестивалях. Однажды на их постановку пришел человек из одного театра с Арбата и сказал режиссеру, что, в общем-то, играют хорошо, с чувством, можно даже дать им малую сцену раз в пару месяцев, вот только речь надо подтянуть. Аля, HR-директор, натура чувственная, прирожденная актриса, при этом гений нетворкинга и очень практичная, искала по всей Москве самого лучшего педагога, который может поставить голос, и вот, нашла.

Дорога к Вэ Эс, как они с девочками ее называли, занимала у Нины полтора часа: метро, маршрутка. Потом два часа занятий и маршрутка-метро.

Краб крабу сделал грабли.

Полили ли Лилию, видели ли Лидию.

Все бобры для своих бобряток добры.

РЛИ-РЛИ-РЛИ РЛЕ-РЛЕ-РЛЕ РЛЯ-РЛЯ-РЛЯ

ШТЯ-ШТЯ-ШТЯ-ШТЕ-ШТЕ-ШТЕ

Поначалу Нина еле сдерживала смех. Ну что за бред все эти кпти-кпти-кпти и гбдэ-гбдэ-гбдэ, особенно если когда ты их делаешь, нужно совершать движения рукой, будто шьешь, или давить, нажимая рукой на невидимую педаль? Но потом Нина впервые услышала свой настоящий голос и поняла, что авторская система Вэ Эс работает, и как!

Штя-штя и кпти-кпти, артикуляционная гимнастика и скороговорки вперемешку с разговорами про всевидящее око, масонов и чашу Грааля (Вэ Эс любила все загадочное и таинственное) и самое приятное для Нины – чтение стихов и отрывков из классики. Учись на стихах о любви, на них проще уходить вниз. Пушкин, Цветаева, Ахматова, «Барышня-крестьянка», «Кавказский пленник» и «Воскресение», после занятия – чашка чая или даже бокальчик шампанского, прогулка по саду вокруг дома. Розы, гортензии, смородина рядом с беседкой. Вэ Эс так гордилась тем, что беседку построили ей ученики.

Однажды Валентина Сергеевна дала Нине самое страшное упражнение. Нужно было делать все те же кпти-кпти, но все занятие – стоя напротив зеркала. Нина видела в зеркале результаты своих упорных тренировок в зале, обтянутые платьем-лапшой (впервые в жизни у нее наконец такая идеальная фигура!), безупречный макияж (Бобби Браун, премиальная косметика, на минуточку), серьги. Все красиво, со вкусом, но глаза... Эта встреча с собой Нину напугала так,

что она расплакалась и на занятия к Вэ Эс ездить перестала.

Нину всегда подмывало спросить, а что это значит – «хочу, любовь, больно», почему именно эти слова? Ладно еще «хочу» и «любовь», но почему обязательно должно быть больно? Лингвист-переводчик Нина придавала словам большее значение, хотела дойти до самой сути, все объяснить. Ведь должна же быть какая-то логика? Хотела спросить Вэ Эс, но не успела. А потом согласилась, поняла, что просто так есть. И что как Ньютоу открылась сила тяжести, а Менделееву – таблица химических элементов, так Валентине Сергеевне была дана ее система, и среди прочего – «хочу, любовь, больно». Именно эти слова, именно там. Можно с этим не согласиться, а можно принять, как мы свободно принимаем то, во что верим. И Нина приняла.

«Театр» через год развалился, но жизнь осталась. Нину поглотили отношения с будущим мужем, переезд во Францию, неудачные попытки переводить художку и возврат к глупой работе в московском офисе. С Алей и Викой Нина больше не виделась, а вот с Валентиной Сергеевной они продолжали общаться. Та часто оставляла ей голосовые в ватсапе, комментировала каждую фотографию в соцсетях. Нина посылала любимому учителю цветы к праздникам, звонить стеснялась – Валентина Сергеевна услышит, что занятия прошли зря.

И только за месяц до смерти Нина приехала. Протискиваясь в дверях между двумя огромными установками с кислородом, от которых шли трубочки до спальни Вэ Эс, она думала, а что если она, такая неуклюжая, которая вечно спотыкается и все роняет, сейчас упадет и оборвутся эти провода, без которых Валентина Сергеевна не может жить?

Валентина Сергеевна сидела на кровати, похудевшая, четыре трубки в носу, но в платье и с зелеными бусами. Уложенные волосы, помада. На столе стояло блюдо со сливой, окруженное бутылочками лекарств всех калибров, но больничного запаха не было. Пахло только принесенными Ниной цветами. О, Вэ Эс обожала цветы! Она ежедневно присылала отчет о том, как они стоят и не вянут, ведь подарены с любовью. Нина, садись. Обнялись. Я слышала, ты теперь ведешь лекции в институте. Давай вспомним. Кпти, кпти, кпти. Хочу-любовь-больно. Вот она, любовь. Ну! Вот он, твой голос. Безумная! Как ты могла забыть, где он. Занимайся дома, обязательно занимайся. Всего пять минут в день, но как это тебя украшает.

Вот он, твой природный тембр, вот твоя глубина. Тебе не нужно менять твой голос, он у тебя уже есть, но пусть он звучит, звучит по-настоящему, не бойся его, не создавай ему рамки. Ниночка, ты прекрасна, ты неземная, небожительница!

Нет, Валентина Сергеевна, небожительница теперь – вы.

В морге Нина поняла, что она единственная пришла без цветов. Даже не подумала, что нужны цветы, ну как так-то, могла ведь догадаться. Вэ Эс лежала такая красивая. Только холодная, и не было слышно этого совершенного голоса, не было видно этих глаз, в которых всегда жизнь, страсть, желание передать то, что она умела делать лучше всего.

Ни одного знакомого лица. Ну то есть знакомых лиц хоть отбавляй – Нина многих видела по телевизору, но ни Аля, ни Вика не пришли. В автобусе до кладбища Нина сидела с девушкой-женщиной неопределенного возраста, иногда мелькавшей в рекламе. А вы давно Валентину Сергеевну знаете? Что, десять лет? Понятно. А я пятнадцать, училась у нее в Останкино. Нина спросила, какой отрывок девушка-женщина любила больше всего. Та ответила, что из «Воскресения». Нина хорошо помнила этот отрывок: тот, где Маслова лежит в тюрьме и думает о том, что и тут как-нибудь проживет, «они все на это падки», а Нехлюдова больше не вспоминает: «похоронила она все воспоминания о своем прошедшем с ним в ту ужасную темную ночь, когда он приезжал из армии и не заехал к тетушкам». Я, знаете, тогда из-за этого отрывка прочитала весь роман, и так впечатлилась, что помогала одному заключенному, по доброте душевной. Ну а он как вышел, решил, что я хочу с ним жить. Ой, что было. Они замолчали.

Нина слышала, как старушка на переднем сиденье говорила соседке: «Хорошо, что этот Иннокентий, ее бывший муж, не пришел. И вообще хорошо, что они разошлись. Жила бы с ним, такой дом бы не построила». Неужели муж Вэ Эс был так плох, что лучше иметь дом, чем быть вместе? Нина подумала: вот если бы ей предложили одиночество и виллу на Капри вместо Славика и съемной «двушки», что бы она выбрала? При всей привлекательности Италии Славик выиграл. Лучше не выбирать, конечно, пусть будет и то и другое, но честное слово, тетенька, как, увидев хотя бы однажды смерть, можно сморозить такое?

Кого бы спросить про этого Иннокентия? Нине хотелось верить, что у женщины, которая так

проникновенно читает «Смятение» Ахматовой, был красивый роман. О, как Вэ Эс произносила эти строки:

*Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.*

Нина так не смогла бы. Тут нужен нерв, драматизм. У Нины, конечно, бывали любовные неудачи, но все это так, скорее, комедии. Неоткуда была достать пафос. А когда она доставала его подобие, мысленно фыркала и смеялась над собой.

Приехали на кладбище. Неужели сейчас закроют гроб, и все? В голове продолжали стучать ахматовские строчки.

*И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.*

Только там, в стихотворении, лирической героине мужик мешал. А Нине никто не мешает. Лети – не хочу. Повезло ей со Славиком.

Ноги вязли в глине, порывистый ветер сушил слезы, шевелил цветы у соседних надгробных плит.

Когда Нина, отстояв длинную очередь, бросала на могилу Валентины Сергеевны горстку сырой земли, она мысленно пообещала покойной, что не забудет ее заветы и обязательно будет заниматься голосом. Прямо завтра откроет видео с упражнениями, список скороговорок и как займется.

Но наутро голоса уже не было. Все три дня Нина думала, вспоминала, какой же все-таки у нее голос. Правда ли пищаше-пионерский или это потому, что она притворяется полной сил оптимисткой? В музыкалке в хоре Нина пела высоким, первым. Зато когда пришла на занятия вокалом в школу, в которую подалась половина офиса, преподаватель сказал, что у нее какой-то особенный тембр и «глубокий низ». Такой глубокий, что из джаза можно петь самые черные песни. Вообще, после первого же занятия вокалом Нина вернулась в офис знаменитостью. Они распевались, и преподаватель вдруг пришел в голову мотив и первая строчка песни, Нина быстро досочинила остальное, он сыграл на «ямахе», она спела своим глубоким низом, почему-то с французским акцентом. Песня начиналась словами «Здравствуйте, монсеньер, осень уж на дворе», и акцент появился как-то сам. К третьему занятию Нина поняла, что преподавателя волнуют совсем другие низы, и вокал бросила.

На выпускном в школе Нина простыла, и голос звучал как у курильщицы со стажем. Тогда Артем, толстенький молчаливый одноклассник, который был в нее влюблен, впервые заговорил с ней и сказал, что такой голос ей больше идет. Это было вдвойне обидно, потому что она считала его единственным мальчиком, который принимает ее целиком, как есть. Не то что Вася или Димка: одному она нравилась за то, что слушает его рэп, другому – за то, что смеется над карикатурами на уроках физики. И на тебе, оказывается, есть на солнце пятна!

После трех дней безмолвия Нина перестала бояться, что голос не вернется. Но как коммуницировать по срочным делам? Сначала она пыталась «кричать» на детей шепотом. Не лезь на книжную полку! Ну упадешь же. Потом стала нежно стучать по плечу, заглядывать в глаза, объясняться жестами. Дети привыкли прислушиваться к матери. Муж вдруг сам спросил, как дела. Сначала она подумала: «Вот гад! Знает же, что не могу ответить». А на второй поняла, что он ее и так понимает.

Она много думала, убрала всю квартиру, сделала за три дня работу на две недели вперед. Жить стало чище, проще, дружнее, веселее. Только надо было все-таки найти его, свой голос. Где же он, собака, прячется.

В понедельник Нина проснулась, посмотрела в зеркало, прямо себе в глаза, и впервые себе улыбнулась. Уже не больно, но «хочу» и «любовь». Она по-прежнему не знала, чего хочет больше: жить в городе или в доме на берегу Волги, что любит – классику или фанк, Толстого или Сенчина, голубой или красный, но ведь иногда можно не выбирать. Зато ей есть что сказать, и она будет говорить своим голосом, и начнет прямо сегодня, вот как они придут в парк, так сразу и скажет.

Дети впервые в жизни спокойно оделись, ну хочешь обуть младшая туфли – и ладно. Пусть прокатится в лифте все двадцать этажей, покажет бархатные розовые туфли консьержке, а на крыльце все равно переобую валенки, но уже без истерик.

Дошли до ларька. Бариста открыл окошко, подставил Нине терминал для оплаты с суммой 350, но она улыбнулась и сказала своим природным грудным, который шел оттуда, откуда «любовь»: – Американо, пожалуйста.